

А.И. Савин*

**ВОПРОС О РОЛИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ
В НАРРАТИВЕ БОЛЬШЕВИКОВ В 1920–1930-Е ГОДЫ****doi:10.31518/2618-9100-2024-5-2
УДК: 94(47+57) "1920/1930"*Выходные данные для цитирования:*
Савин А.И. Вопрос о роли героической личности в истории в нарративе
большевиков в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2024. № 5 (37).
С. 30–46. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-02.pdf>

A.I. Savin*

**THE QUESTION OF THE HEROIC PERSONALITY ROLE
IN HISTORY AND IN THE BOLSHEVIK NARRATIVE
IN THE 1920S–1930S****

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-2

How to cite:
Savin A.I. The Question of the Heroic Personality Role in History and in the Bolshevik
Narrative in the 1920s–1930s // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 30–46.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-02.pdf>]

Abstract. The article focuses on the analysis of cardinal revision of the Marxist dogma, which assigned the dominant role in the historic process to the masses, while the (heroic) personality served subservient role, and held dominant position in soviet socio-political sciences during 1920-s. Using narrative of the most prominent Bolsheviks, such as A.V. Lunacharsky and I.V. Stalin, together with published works of A.M. Gorky, the article reconstructs amnesty collisions of historical personality in the USSR. Additionally, the author has verified hypothesis of D. Brandenberg, which states that de-facto rejection of one of the most fundamental historiosophical ideas of Marxism happened mainly due to Soviet political reality of the 1930s. Emergence of the heroes of labour, who personified the successes in socialism building process and became important role models for the forming soviet identity, was one of the most notable qualities of Stalin's modernization. Return of the "hero" both to the pages of history books and socio-political stage of Soviet Union was not a smooth process, which took the better part of the second half of the 1930-s. However, starting from the 1940, personal heroism became an inseparable part of the new soviet identity and one of the most important instrument in the construction of socialist society.

Keywords: Marxism, personality, masses, heroes of labour, historical science, I.V. Stalin, A.M. Gorky, A.V. Lunacharsky.

The article has been received by the editor on 22.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется, каким образом в 1930-е гг. в советской идеологии произошел кардинальный пересмотр марксистской догмы о доминирующей роли масс в истории и подчиненной роли (героической) личности, которая безоговорочно царила в советских общественно-политических науках в 1920-е гг. На основании нарратива видных деятелей большевиков, в первую очередь А.В. Луначарского и И.В. Сталина, а также публицистики А.М. Горького, были реконструированы коллизии

* **Андрей Иванович Савин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Andrey Ivanovich Savin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors" (FWZM-2024-0008).

амнистии исторической личности в СССР. При этом автор верифицировал гипотезу Д. Бранденбергера, согласно которой фактический отказ от одной из основополагающих историософских идей марксизма произошел главным образом под влиянием советских политических реалий 1930-х гг. Появление героев труда, которые персонально олицетворяли успехи социалистического строительства и служили важными примерами для подражания и образцами для формирования советской идентичности, стало важным явлением сталинской модернизации. Возвращение «героя» не только на страницы учебников истории, но и на общественно-политическую сцену Советского Союза не было беспроblemным и заняло практически всю вторую половину 1930-х гг., однако уже к 1940 г. личный героизм стал неотъемлемой ипостасью нового советского человека и важнейшим инструментом построения социалистического общества.

Ключевые слова: марксизм, личность, массы, герои труда, историческая наука, И.В. Сталин, А.М. Горький, А.В. Луначарский.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024 г.

Вопрос о роли власти, ее воздействии на историописание и историков применительно к советскому периоду российской истории, особенно к сталинскому, характеризуется в историографии, как правило, негативно. Такая характеристика имеет под собой мощное обоснование: трактовка большевиками истории как политики, опрокинутой в прошлое, расценивание ее исключительно как «идеологической» классовой науки, чрезмерная политизация и диктат, постоянный контроль и цензура, жесткие методы управления научно-исследовательским процессом вплоть до репрессий в отношении самих историков были общим местом советской политической повседневности.

Однако черно-белые бинарные схемы, как правило, искажают историческое прошлое, а роль большевиков в отношении исторической науки далеко не всегда была сугубо негативной. В частности, в 1930-е гг. под влиянием сталинского руководства и в первую очередь лично И.В. Сталина произошел кардинальный пересмотр ряда основополагающих марксистско-ленинских теоретических положений, которые безоговорочно царили в советских общественно-политических науках в 1920-е гг.

Одним из концептов, который подвергся ревизии, стала марксистская догма о доминирующей роли масс в истории и подчиненной роли (героической) личности. Историки и философы неоднократно обращались к вопросу об эволюции взглядов на роль личности в истории¹, однако ограничивались, как правило, «классическим» периодом дискуссии о «толпе и герое» конца XIX – начала XX в. Применительно к 1920–1930-м гг. пионерный анализ амнистии (героической) личности в СССР предпринял Д. Бранденбергер². При этом Бранденбергер выдвинул важную гипотезу о сугубо практической стороне сталинских теоретических новаций. В настоящей статье предпринимается попытка верифицировать гипотезу Бранденбергера с привлечением новых источников, главным образом публицистических произведений А.В. Луначарского, А.М. Горького, а также нарратива И.В. Сталина.

Большевики были наследниками, а затем и деятельными участниками философского спора о «герое и толпе», разгоревшегося после публикации в 1841 г. знаменитой книги Т. Карлейля о героях³. Свою концепцию истории Карлейль изложил уже на ее первых страницах: «Ибо всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле.

¹ Подробный сводный анализ литературы см., например: *Гринин Л.Е.* Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.

² *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.

³ См., напр.: *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2012.

Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть. Все содеянное в этом мире представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории»⁴. Народные массы для Карлейля зачастую являлись только орудием в руках героев, причем массам был свойственен деструктивный потенциал. Когда героическое начало в обществе ослабевает, тогда наружу неизбежно вырываются скрытые разрушительные силы массы, которые действуют, пока их вновь не обуздают «истинные герои»⁵.

В предисловии к русскому изданию труда Карлейля его переводчик В.И. Яковенко писал в 1898 г.: «Он выступил со своим протестом во имя личности в то время, когда массе, в смысле общественного фактора, стали придавать первенствующее значение, когда роль великих людей в истории была доведена до нуля, когда, одним словом, культ “героев” стал, по-видимому, вытесняться культом “массы”»⁶. Очевидно, Яковенко несколько нарушил здесь принцип историзма, «осовременив» мотивацию Карлейля. В 1841 г., когда вышла в свет его апология героя, К. Маркс только оканчивал университет, а до публикации «Манифеста Коммунистической партии» оставалось еще целых семь лет. Тем не менее для интеллектуалов конца XIX в. именно Карлейль стал наиболее влиятельным оппонентом марксистов по вопросу о роли героической личности в истории, и лишь затем Ф. Ницше⁷ и в какой-то степени Г. Гегель.

Большевики были марксистами, а для К. Маркса и Ф. Энгельса герои являлись выражением идеалистического понимания роли личности в истории. Возвеличивание отдельной личности как главного субъекта истории воспринималось ими как уничтожение, а то и полное затушевывание объективной роли социальных групп и классов. Размышляя о «подлинных движущих силах истории», Энгельс писал, что «надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы»⁸.

Как констатирует Л.Е. Гринин, «при том, что крупные марксисты нередко интересно ставили вопросы, связанные с проблемой личности в истории, и порой давали небезынтересные ответы, в целом в ситуации экономического детерминизма роль личности в истории представала [в марксизме] небольшой. Стремление противопоставлять личности и массы в пользу последних, законы и случайности – почти исключительно в пользу первых, существенно способствовало такому результату»⁹.

Наиболее систематически марксистские взгляды на роль личности в истории изложил Г.В. Плеханов. В 1898 г. вышла в свет его работа «К вопросу о роли личности в истории», в которой Плеханов, в том числе, обосновал вывод о том, что действия отдельных личностей всегда обусловлены гораздо более влиятельными историческими силами, где личность может лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, но не в состоянии изменить железный ход истории. При этом Плеханов особенно акцентировал идею о взаимозаменяемости выдающихся исторических акторов. Так, рассуждая о роли «хорошей шпаги» в истории Франции конца XVIII – начала XIX в., Плеханов считал, что в случае

⁴ Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб., 1898. С. 23–24.

⁵ Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов... С. 25.

⁶ Герои и героическое в истории... С. 19.

⁷ При этом Ницше резко критиковал идеи Карлейля. В Эссе Немец Ницше, в частности, писал об отвергнутом им «культе героев» Карлейля. Такая позиция Ницше основывалась на отрицательном отношении немецкого философа к христианской морали и концепту «хорошего человека», которого он воспринимал антиподом своего «сверхчеловека».

⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 306.

⁹ Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов... С. 29–30.

гибели Бонапарта ход истории неминуемо выдвинул бы вперед «какую-нибудь другую “шпагу”»¹⁰. Плеханов признавал некую вариативность истории, но конечный результат действия непреложных исторических законов всегда был бы одним и тем же. Например, в случае с Францией без Наполеона реставрация Бурбонов могла бы вообще не состояться, но по своему отношению ко всей внутренней жизни Франции это не изменило бы «действительного результата»¹¹. С «правоверной» марксистской точки зрения Плеханов активно критиковал двух русских мыслителей, также опубликовавших в конце XIX в. ряд работ, посвященных дихотомии «герой» и «массы»: теоретика народничества Н.К. Михайловского¹² и социолога Н.И. Кареева¹³.

Оценивая философские споры российской интеллигенции, необходимо учитывать, что для дореволюционной российской социал-демократии вопрос о роли героической личности в истории был не только догмой марксистской теории, но и острейшим вопросом политической практики, определявшим, в том числе, степень размежевания с главными конкурентами в революционном лагере – сначала с народниками, затем с партией социалистов-революционеров. Так, В.И. Ленин писал в «Искре» 1 августа 1902 г., критикуя основные положения эсеровской прокламации от 3 апреля 1902 г., выпущенной по поводу покушения эсера С.В. Балмашева¹⁴ на министра внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягина: «Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. “Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги”, говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будят во всех дух борьбы и отваги. Поединки же именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут [массы] даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка»¹⁵.

Тема героя и народной массы была неотъемлемой частью жарких споров на многочисленных студенческих собраниях, вечеринках и посиделках, в ходе которых формировали свое мировоззрение и оттачивали ораторское мастерство будущие вожди большевиков. А.К. Воронский так описывал в своих воспоминаниях типичное собрание студенческого кружка, функционировавшего под его руководством в Тамбове: «Споры об общине, об отрезках, о героях и толпе, самонадеянный и безоговорочный задор. Старая гитара и мандолина, тихий и меланхолический перебор струн»¹⁶. В другом теоретическом споре, уже с участием Н.И. Бухарина, две команды спорщиков-гимназистов определили для себя самые главные вопросы следующим образом: рабочий класс или народ, расчет или подвиг, объективизм или субъективизм, законы развития или российские условия. В ходе спора «марксисты говорили, что эсеры ставят героев над массами; эсеры отвечали, что Ленин делает то же самое; большевики утверждали, что их вожди объективно представляют интересы трудящихся»¹⁷.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики не изменили своей трактовки героев, тем более что практика первых революционных месяцев подтверждала марксистскую теорию о выдающейся роли масс. Бывший министр Временного правительства А.И. Шингарев за несколько дней до своей гибели с горечью писал 31 декабря 1917 г.: «События, повто-

¹⁰ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 326.

¹¹ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории... С. 326.

¹² В частности, речь идет о следующих статьях Н.К. Михайловского: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма (к вопросу о героях и толпе)» (1884), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893).

¹³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. III. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890.

¹⁴ Балмашев Степан Валерьянович (1881–1902) – революционер, террорист, убийца министра внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягина (террористический акт совершен 2 апреля 1902 г.). Критикуемая Лениным эсеровская прокламация была прямой реакцией на убийство министра.

¹⁵ Ленин В.И. Революционный авантюризм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 6. С. 377–398.

¹⁶ Цит. по: Слезкин Ю.Л. Дом Правительства. Сага о русской революции. М., 2019. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 51.

ряющиеся в столетия раз, необъятные по своим последствиям и невиданные в Истории по своим размерам, в России пришлось на долю поколения без больших, гениальных людей. “Народная” война, народная революция без героев, с одной толпой, без плана и системы, с одними рефлексам, как всегда в толпе, – вот что заполняет перед глазами современников весь горизонт. Нам не видно просвета, и никто не ведет по дороге, да и некому вести. Больше, чем когда-либо, мы имеем дело с историей масс, и нет истории лиц»¹⁸. Шингарев был далеко не одинок в такой оценке. Историк С.Б. Веселовский, профессор Московского университета и будущий академик АН СССР, писал в марте 1920 г.: «Во главе народа стали бездомные и безвестные герои М. Горького, недоучившиеся мальчишки из рабочих и мастеровых, бывшие волостные писаря и т.п. сброд»¹⁹.

Не последнюю роль в усиленном возвеличивании массы также играл революционный эгалитаризм. В «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского утверждалось: «Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу – человеческому роду. Только благодаря существованию общества каждый отдельный индивидуум в состоянии жить и развиваться»²⁰. Даже роль «руководителя и вождя во всей революции» отводилась коммунистическими теоретиками не человеку, а классу пролетариев.

Наиболее часто цитируемое высказывание В.И. Ленина по поводу советского героизма содержится в его статье, посвященной коммунистическим субботникам. В июне 1919 г. вождь большевиков сформулировал бинарную структуру советского героизма: военный и трудовой героизм, «героизм красноармейцев» и «героизм трудящихся масс». При этом «героизм рабочих в тылу» Ленин считал более важным и сложным делом: если успехи на фронтах Гражданской войны могли быть достигнуты за счет «героизма *отдельного* порыва», то успехи в тылу требовали «самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма *массовой* и будничной работы»²¹ (курсив наш. – А. С.). «Величайшим героизмом» Ленин называл повышение производительности труда, которого добились «голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров»²².

Почитание пролетариата и беднейшего крестьянства в качестве массового героя революции легко давалось большевистским вождям-теоретикам, но для успешного ведения вооруженной борьбы им так или иначе были нужны личности, с которыми могли бы себя идентифицировать и на которых могли бы равняться их сторонники. Однако индивидуализация советского героя в ходе Гражданской войны была весьма относительной²³.

Период новой экономической политики следует расценивать как постгероическую эпоху, не испытывавшую особой потребности в героях. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», этой литературной энциклопедии Советской России конца 1920-х гг., авторы вкладывают в уста главного героя следующую сентенцию: «Теперь многие не знают имен героев. Угар НЭПа». В 1920-е гг. на роль героев большевистские теоретики вновь предлагали рабочие массы. В 1924 г. нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский прочитал в Петрограде в пользу беспризорных открытую лекцию на тему «Героизм и индивидуализм», которая 1925 г. была издана отдельной брошюрой²⁴. Эту лекцию следует рассматривать как репрезентативную квинтэссенцию взглядов старых большевиков-марксистов на роль героической личности в истории в целом и на советский героизм в частности.

¹⁸ Как это было: Дневник А.И. Шингарева. Петропавл. крепость, 27.XI.17–5.18. М., 1918. С. 54.

¹⁹ Веселовский С.Б. Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 127.

²⁰ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб., 1920. С. 182.

²¹ Ленин В.И. Великий почин (о героизме рабочих в тылу по поводу «коммунистических субботников») // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 17–18.

²² Там же. С. 21.

²³ Подробнее см.: Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 93–108.

²⁴ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм. Лекция, прочитанная в Ленинграде в 1924 году в пользу беспризорных. М., 1925.

Ревизию этих представлений И.В. Сталин предпринял только десять лет спустя, в середине 1930-х гг.

Характеристику возникновения и эволюции героизма в истории Луначарский закономерно начал с греческих героев. Не отрицая трагизма их противостояния року и даже восхищаясь этим, Луначарский в целом дал отрицательное определение героизму греков, так как «на первый план выдвигается момент военных подвигов, что очень часто смахивает на преступление»²⁵. Главным героем периода феодализма Луначарский назвал аристократа: «Кто такой герой? Это человеческий тигр, кабан, если хотите, в реальной жизненной истории герой есть феодал. Он выделяется как особая порода человечества»²⁶. Именно феодалы, считал Луначарский, «выработали особый героический дух, черты которого мы потом ввели в самое понятие героя»: профессиональное владение оружием, доблесть, вассальная верность союзнику, готовность пожертвовать собой ради целой группы героев. Здесь же Луначарский подчеркнул роль поэта в создании героического мифа: «Всюду одно и то же мы видим: частью из уст в уста передаваемые, частью записанные, на твердом камне увековеченные, легенды о героях, т.е. преувеличенные, идеализированные сказания о поведении феодалов»²⁷.

На смену феодалам пришла победоносная буржуазия, которая хоть и состояла «в массе своей <...> из обывателей», но и она породила свои типы героев, таких как герой русских былин Садко: богатый купец, «переходный тип, не то мореход-купец, не то пират-герой». «Все герои, которые возникли в эпоху Возрождения, были или из купцов, или из кондотьеров, т.е. наемных капитанов, вышедших из того же мещанства или купечества», – утверждал Луначарский. Но в целом в истории «мещанская масса обывателей ненавидела героев в течение всего своего существования, всегда относилась к ним в высшей степени подозрительно, даже к благодетельным героям». В качестве примера Луначарский приводит трагическую судьбу Дон Жуана, «законного внука того героя, который был основоположником аристократии»²⁸.

Церковных деятелей, таких как Франциск Ассизский, Савонарола и Ян Гус, Луначарский охарактеризовал как «попытки героев» и переходное звено к героизму светской интеллигенции: «Так появляются новые герои. Через стадию церковных героев, святых и еретиков, возникли герои интеллигенции, светской интеллигенции»²⁹. Их эпохальным воплощением в мировой литературе является образ Фауста.

Характеристика, которую Луначарский дает интеллигентам – главным героям Великой Французской революции, крайне важна для понимания марксистского толкования истинного героя мировой истории. Героической, как заявлял Луначарский, в первую очередь была народная масса, «темная и жестокая», которая «не смогла бы, однако, сгруппироваться, организовать и работать, если бы не нашлись любимые вожди» из числа интеллигенции, такие как Марат, Дантон и Робеспьер. При этом, утверждал Луначарский, «ни Робеспьер, ни Дантон сначала настоящими революционерами не были. Они дошли до своего апогея лишь в общении с массами»³⁰. Этот героизм массы пережил революцию и сохранился вплоть до Наполеона, его запала хватило, чтобы создать французскую империю, однако он стал «механическим, абсолютно военным, чисто солдатским, дисциплинированным, потерявшим поэтому характер личной инициативы, личной доблести и превратившимся в муштру, в исполнение своего долга, в привычку и т.д. И это, как будто бы, отсосало с необычной быстротой от Франции ее народный героизм <...>»³¹.

В то же время, как заявлял Луначарский, остаточный героизм европейской интеллигенции трансформировался в индивидуалистический романтизм: «Этот романтизм был героизмом, свернувшимся внутрь и ищущим спасения в вине, в искусстве, в оригинальни-

²⁵ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 3.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. С. 21–22.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 29.

чании и в мистике, а если иногда очень становилось невтерпеж – так и в самоубийстве»³². Наиболее ярким воплощением этих «негероических героев» Луначарский называл Байрона и его Чайльд-Гарольда. Здесь Луначарский перебрасывает важный мостик: «Героизм в этой эффектной, но бесплодной форме был занесен и к нам в Россию», этот героизм воплотили «шикарные, картонные герои» Пушкина, Лермонтова и Марлинского, у которых была «только внешняя героическая повадка»³³. «И в этой среде должна была, тем не менее, начаться героическая линия русской революционной борьбы. Как себя мог постичь, как мог себя нарисовать русский революционер?»³⁴.

Первыми «величайшими героями русской революции» были выходцы из мещан. «Но разве их можно назвать мещанами, – восклицал Луначарский, – они, как небо от земли, удалены от мещанской стихии, от обывательщины»³⁵. Разночинцы создали свою «героическую идеологию» и противопоставили себя «толпе», но не как «хищники», «не ради гордости», а как «сознательную и активную личность, готовую служить ей. И чем больше они противопоставляют себя как героя [толпе], тем больше проникаются чувством любви и долга. Чувствуя свое превосходство над толпой, они признавали, что стыдно быть таким героем <...>»³⁶. Так Луначарский характеризовал народников и народолюбцев, которых он ставил «на одном уровне со всеми революционерами великих революций и в ряду героев того типа, которые были не чужающимися героями, а оружием, борцами в низах этих масс, звание же героев они получили только за положительные черты», такие как мужество, верность, самоотверженность. За эсерами Луначарский был готов признать только то, что в отдельных случаях их индивидуальные моральные черты могут быть «субъективно-героичными»³⁷.

Все меняется коренным образом, когда на мировой исторической арене появляется новый класс – пролетариат. При первом же упоминании пролетариата у Луначарского возникает известная дилемма: «Тут нужно, прежде всего, разобраться в одном вопросе, который, наверное, многим из моих слушателей приходит в голову. Ведь основа учения, основная база идеологии пролетариата есть марксизм. Ведь марксизм отрицает роль личности в истории и, стало быть, он должен целиком отрицать героическое начало». Луначарский соглашается с этим «в значительной степени»: «марксизм отрицает тот взгляд на историю, согласно которому ее делают отдельные великие люди, а отсюда недалеко сказать, что вообще историю делают не герои, а ее делают и масса, и социальные силы. Правильно ли это будет сказано?»³⁸. И да, и нет, – отвечал Луначарский. Отрицание героев оправдано с социологической точки зрения: «Марксизм учит, что можно написать историю мира в ее главных, самых общих, важных чертах, не упоминая ни одного собственного имени, рассказав только, как изменялась форма труда, взаимоотношения классов, обмен и другие формы распределения, указав неизбежность столкновений классов и народных слоев. <...> В этом отношении личности он не признает»³⁹.

Однако есть еще один ключевой вопрос: кто, по мнению Маркса и марксистов, является творцом и делателем истории, задает ее ход? Ответ Луначарского звучит вполне по-марксистски: история «продельвается при помощи более или менее сознательной борьбы классов». Тем не менее здесь Луначарский делает важный акцент на дуализме «бессознательности» и «сознательности». Пролетариат долго был бессознательным классом, но «по мере осознания себя и организации себя пролетариат становится коллективной личностью и активной силой» за счет «выделения из класса партии», этой боевой и сознательной части класса, со своей программой, принципами и политическим

³² Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 30–31.

³³ Там же. С. 32.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 33.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 36.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же.

опытом⁴⁰. Вот здесь и появляются истинные индивидуальные герои, в первую очередь в ипостаси вождей – инструмент, посредством которого пролетариат осознает себя как класс.

Далее у Луначарского следует настоящий гимн вождю, теоретическое обоснование героического вождизма: «Чем партия лучше организована, тем больше в такой партии должно быть людей с большим опытом, зоркостью и авторитетом. Но если бы все были такими большими людьми и не подчинялись друг другу, это не был бы аппарат. Среди этих людей должна быть определенная иерархия. Тот из них, который по объему своего опыта, по дарованию своему, в смысле зоркости, и по авторитету, приобретенному вследствие преданности своему делу, тот из них, которого выдвигают массы, носит название вождя. Если класс созрел, у него есть вождь. Опыт и авторитет вождя растет соответственно с ростом партии, и Маркс не отрицает этого потому, что это естественный закон жизни организмов»⁴¹.

Итак, разница между классическим и большевистским героем в том, что первый «может являться совершенно отдельным человеком», в то время как вождь – «это человек, который возглавляет целую массу других, вокруг него кристаллизуются общественные силы». Вожди постепенно отбираются и отшлифовываются в процессе классовой борьбы с тем, чтобы превратиться в «орган своего класса», а потом, «как орган, они облегчают муки родов новых идей, они сокращают исторические пути, как машина сокращает работу. <...> Пролетариат хорошо знает, что такое вожди, что без них он, может быть, на десятилетие пойдет медленнее вперед»⁴².

Пролетарский герой «во всю свою обыденную практику вносит поступки, выдвигающие не свой личный интерес, а интерес общества, он себя рассматривает постоянно, как часть великой массы, несущей победу». В результате в нем проявляются все архетипические черты героя: «он будет доблестным, будет звать на борьбу, будет беспощадным к врагам; он будет верен своему классу, товарищам; он будет до конца самоотвержен, ибо не он важен, какая-то былинка, атом, а то, что он создал классовую армию, которая победит. Так вырабатывается пролетарский героизм»⁴³.

Луначарский раз за разом подчеркивает – пролетарский герой никогда не одинок, его и рабочую массу связывает неразрывная пуповина: «Героически настроенный коммунист связан непрерывной лестницей с каким-нибудь организующимся, но отсталым пролетариатом завода или фабрики»; пролетарский герой должен быть «послушен по отношению к действительности, по отношению к истинной потребности массы, [он] чутко отзывается на [зов] массы»⁴⁴. Индивидуальный героизм проявляется в том, что пролетарский герой ощущает себя «барометром, регулирующей машиной, которая, действуя, определяет действие всего механизма. <...> Таков новый герой, который чувствует себя более накаленным, более намагниченным чем остальная среда»⁴⁵.

Далее Луначарский сосредоточил огонь критики на конкурентах большевиков из социалистического лагеря, гордившихся своей героической традицией, – социалистах-революционерах и анархистах: «Теоретическая мораль о застрельщиках-террористах, критически мыслящей личности, которая себя представляет как бы солью мира, все отпало». Эсеры и анархисты не понимают, что их героизм снят с повестки дня всем ходом мировой истории: «Личность, которая по-прежнему придерживается старой морали, старой революционной героической повадки, думает, что ее героизм может быть приложен к кому угодно: к интеллигенции, крестьянству, пролетариату; она не может понять того, что эти люди совершенно разного труда, социального положения, разной социальной ценности. На смену критической личности пришел коллективный герой, огромный коллективный герой-пролетариат, а остальные классы представляют собою или мало, или совершенно не воспламеняющуюся

⁴⁰ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 37.

⁴¹ Там же. С. 39.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 43.

массу. Кто утверждает, что революция возникает из недр индивидуального сознания героя и может быть приложена к любому месту и времени на земле, тот безнадежно отстал»⁴⁶.

Подводя итоги, Луначарский еще раз обратился к марксистской диалектике: коммунизм отрицает индивидуальный героизм, но исходит из коллективного героизма. Отдельную личность коммунисты признают только тогда, когда «личность все свои дарования бросила на общее дело, отказалась от личных затей и идет в ногу с хорошо понятой действительностью. Такую личность пролетариат ценит, любит, такая личность не противоречит дисциплине. Наш коллективный героизм основан на максимальной дисциплинированности внутри самой коммунистической партии»⁴⁷. Завершалась лекция практическим лозунгом: «Марксизм есть величайшая и предельная степень коллективистического героизма»⁴⁸.

Сталинская революция сверху с особой остротой поставила для власти вопрос о действенных внеэкономических механизмах мобилизации социума. В первую очередь речь шла о создании героических культов отдельных личностей. Однако советская агитационно-пропагандистская машина отнюдь не спешила менять приоритеты. В годы первой пятилетки в большевистской идеологии по-прежнему доминировала линия, согласно которой главными героями являлись массы в виде трудовых коллективов. Советский Союз традиционно позиционировался как сакральное место – родина победоносного пролетариата, который, как писал в 1931 г. Н.И. Бухарин, «в героическом труде и героической борьбе завоевал себе историческое право на всемирную победу»⁴⁹. В расширительном плане Бухарин трактовал в качестве героя «борьбы наших дней» все «угнетенные массы человечества, их организованный пролетарский авангард»⁵⁰.

В то же время для части сталинского руководства и отдельных представителей творческих элит становилась все более очевидной необходимость появления героев, персонально олицетворяющих успехи первых пятилеток. В этом отношении крайне показательной является эволюция взглядов А.М. Горького, отразившаяся в его публицистических выступлениях периода первой пятилетки. Горький, который, как известно, претендовал на роль главного идеолога создания «нового человека», был убежденным и последовательным противником концепта героической личности. Однако и он был вынужден постепенно пересматривать и трансформировать свои взгляды. Наиболее четко это проявилось в 1929 г. в очерке под заголовком «День индустриализации», где Горький провозгласил симбиоз массы и героя-индивидуума. «Я знаю, помню, что мы не веруем в “героев” и не от них ждем “освобождения”. Но я вижу, что в наш мир пришли иные, новые герои, – герои иного характера, иных целей. Этих героев родит и выдвигает трудовая масса, и они не требуют преклонения себе. Но надобно знать и помнить, что необходимо внимание к их работе. Посылая их далеко впереди себя как пионеров индустрии, как разведчиков путей к социализму, рабочая армия, партия и советская власть должны создавать для них атмосферу сочувствия к ним, к их труду. Это – в интересах рабочего класса и советской власти, не понимать этого –

⁴⁶ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 44.

⁴⁷ Там же. С. 44-45.

⁴⁸ Там же. С. 46. Показательно, что в своей лекции Луначарский ни словом не упомянул о прекрасно известных ему взглядах на героя и героизм своего близкого друга и шафера, марксиста, члена РСДРП с 1900 г., философа С.А. Суворова, который в 1904 г. так раскрывал содержание термина «герой»: «Личность, наиболее ярко, глубоко и творчески-законченно выражающая идеал общественного развития своего времени, называется героем. <...> Героизм представляет величайшее проявление человечности, законченную полноту осуществления человеческой природы в личности человека, его жизни и деятельности. <...> Так как основа героизма есть богатство человеческой природы и энергия ее выражения, – то герой необходимо есть активная и творческая личность» (Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. 10 ст. СПб., 1904. С. 111). Статья Луначарского «Основы позитивной эстетики» шла в данном сборнике второй, сразу вслед за цитируемой статьей Суворова. Впрочем, эти взгляды Суворова и самого Луначарского были резко раскритикованы Лениным еще в 1908 г., очевидно, Луначарский усвоил полученный урок.

⁴⁹ Бухарин Н. Этюды. М.; Л., 1932. С. 34.

⁵⁰ Там же. С. 176.

преступно. Добьемся мы освобождения своею собственной рукой! Так! Но – наши герои труда и науки, это – пальцы могучей руки рабочего класса», – писал Горький⁵¹.

Чуть позднее, в том же году, в заметке «О мещанстве» Горький конкретно перечислил новых советских героев: «Героем наших дней является человек из “массы”, чернорабочий культуры, рядовой партиец, рабселькор, военкор, избач, выдвиженец, сельский учитель, молодой врач и агроном, работающие в деревне, крестьянин-“опытник” и активист, рабочий-изобретатель, вообще – человек массы! На массу, на воспитание в ней таких героев и должно быть обращено главное внимание»⁵².

В 1930 г. Горький объяснял специфику советского героя, сравнивая его с героями Запада: «Кого буржуазия считала и считает великими? Генерала, который умел истребить наибольшее количество солдат и разрушить наибольшее количество хозяйств, банкира, способного собрать в своих руках наибольшее количество денежных знаков, фабриканта, купца, Креза и подобных им организаторов производства орудий производства истребления людей, вероучителя, способного талантливо затемнять разум. <...> Наш герой теперь – рабочий-“ударник”, тот, кто ставит “мировые рекорды” успешности труда, как это было отмечено американцами на Днепрострое. Наш герой – “простой” человек, который в тяжелых условиях неумолимо и мужественно строит свое, рабочее государство равных – строит, разрушая все козни врагов, преодолевая все препятствия»⁵³.

В начале 1931 г. писатель отметил, что «трудовой героизм становится “бытовым” фактом. Этот “бытовой факт” ежедневно подчеркивает вся наша пресса»⁵⁴. В апреле 1931 г. Горький вновь обращается к теме героизма: «“Война родит героев”, но она их родит только потому, что война есть активная деятельность масс и что герой всегда производное от массы, фокус, в коем сосредоточивается ее энергия и который отражает ее обратно в массу. Это – диалектика драки»⁵⁵. Во всех этих цитатах четко видна граница, которую ни в коем случае не хотел переходить Горький: признав индивидуальных героев, он все равно видел в них исключительно «простых» людей массы, «пальцы руки» пролетариата.

Одиночка в глазах Горького был онтологически виноват перед массой, поскольку на всем протяжении мировой истории именно одиночки эксплуатировали массу, в том числе используя для этого религию. В своей заметке «История молодого человека» он так объяснял механизм подчинения многих немногим: «Но всякая религия – а христианская особенно, усердно заботясь о том, чтобы трудовой народ покорно подчинялся воле командующего меньшинства, чтобы раб считал владыку “властью от бога”, – всякая религия неизбежно должна воспитывать владык, и все религии так или иначе принуждены утверждать значение личности, единицы, ставить ее против массы как монарха, пророка, вождя, героя, – в конечном счете – как “спасителя”»⁵⁶. В другой статье 1931 г. «Ответ интеллигенту» Горький обрушился с критикой на «мнимую» свободу личности: «Стану ли я отрицать, что в Союзе Советов личность ограничена? Разумеется – нет, не стану. В Союзе Советов воля личности ограничивается каждый раз, когда она враждебно направлена против воли массы, сознающей свое право строительства новых форм жизни, против воли массы, которая поставила пред собою цель, недостижимую для личности, даже сверхъестественно гениальной. Передовые отряды рабочих и крестьян Союза Советов идут к своей высокой цели, героически претерпевая на пути множество внешних, бытовых неудобств и препятствий»⁵⁷.

Идеи Горького были созвучными государственной политике. В области литературы «новый герой» должен был отныне занять ключевое место. Об этом шла речь уже в проекте резолюции ЦК ВКП(б) «О художественной литературе», подготовленной весной 1930 г. заведующим отделом культуры и пропаганды ЦК А.И. Стецким. В частности, в резолюции

⁵¹ Горький М. День индустриализации // Горький М. Публицистические статьи. Л., 1933. С. 69.

⁵² Горький М. О мещанстве // Горький М. Публицистические статьи... С. 95.

⁵³ Горький М. Письмо редакции журнала «Будущая Сибирь» // Горький М. Публицистические статьи... С. 160.

⁵⁴ Горький М. О действительности // Там же. С. 231.

⁵⁵ Горький М. О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. // Правда. 1931. 19 апр.

⁵⁶ Горький М. История молодого человека // Горький М. Публицистические статьи... С. 298.

⁵⁷ Горький М. Ответ интеллигенту // Горький М. Публицистические статьи... С. 244.

говорилось: «Эпоха социалистических революций, вступление СССР в период социализма, переход основной массы крестьянства к общественному хозяйству, героика строительства и классовой борьбы пролетариата дают исключительный материал для творчества и подъема художественной литературы на новые высоты». В связи с этим от писателей требовалось «отобразить рост новых социалистических отношений, *новых людей – героев социалистической стройки* (курсив наш. – А. С.) и создать произведения высокого художественного значения»⁵⁸.

Этой же линии придерживалась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) во главе с Л.Л. Авербахом. В 1931 г. в журнале «На литературном посту» было опубликовано постановление секретариата РАПП, в котором говорилось: «1. Обязать <...> незамедлительно отразить в художественной форме героев пятилетки, фабрик, отдельных ударников, награжденных орденом Ленина или Трудового Красного Знамени. 2. Считать это обязательным для всех писателей»⁵⁹. Несмотря на все разногласия между РАПП и руководством ВКП(б), линия на прославление героев была у них общей. В конце 1931 – начале 1932 г. А.И. Стецкий писал в проекте постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О состоянии основных литературно-художественных журналов»: «Журналы обязаны организовать участие лучших кадров писателей в показе руководящей роли партии во всем строительстве СССР, в показе героев пятилетки, в истории заводов и гражданской войны»⁶⁰.

Тем не менее, несмотря на очевидный тренд в направлении «персонализации» героизма, в начале 1930-х гг. по-прежнему доминировала дуальность трактовки советского героизма и советского героя с заметным креном в сторону массового героя. Здесь вновь следует обратить внимание на позицию А.М. Горького, который в это время при поддержке И.В. Сталина выступил с грандиозным проектом подготовки и издания многотомной «Истории гражданской войны». Естественно, вопрос о том, какие герои в каком качестве должны были предстать на страницах «Истории...», чрезвычайно занимал Горького. На коллективном обсуждении концепции многотомника, состоявшемся 25 мая 1931 г., писатель заявил: «У нас наблюдается некоторый перегиб в нашей литературе – я говорю не о военной литературе, а о беллетристике – литераторы слишком много внимания уделяли партизанскому движению в крестьянстве и чрезвычайно густо в различных произведениях была подчеркнута роль личности – но не так, как она должна быть подчеркнута с нашей точки зрения. Получалось что: высказывают разные щетинины⁶¹ и пр., они побеждали и революция победила их силою. Все это было: щетинины боролись, но одно дело бороться за корову, другое дело за социализм»⁶². В ноябре 1931 г. в письме к Р.П. Эйдеману, соратнику по работе над «Историей...», Горький выразил свою мысль более конкретно: «И Вы, и я беллетристы, мы оба знаем, что беллетрист, хотя бы и строгий реалист, все-таки субъективен, а наша история требует строгого, классового объективизма, наш герой класс, а не единица, излюбленный герой беллетриста»⁶³.

Однако такой «социологический» подход нравился далеко не всем. Нарком обороны К.Е. Ворошилов на вышеупомянутом заседании редколлегии «Истории...» заявил, что у белых «тоже были свои герои и мученики, были интересные события», и высказал свои представления, как следует писать многотомник: «А, между прочим, вопрос очень серьезный: как для художественной, так и исторической правды нужно допустить какую-то

⁵⁸ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 176–177. Однако «массы» никуда не делись: в резолюции речь также шла о новом типе писателя, «непосредственно связанного с массами», о литературном движении, которое становится «подлинно массовым», и т.п.

⁵⁹ На литературном посту. 1931. № 14. С. 1–2. См. также: Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932 гг. М., 1998. С. 130.

⁶⁰ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине... С. 224.

⁶¹ Так пренебрежительно и с ошибкой в фамилии Горький упомянул П.Е. Щетинкина (1884–1927), организатора и руководителя партизанского движения в Сибири, кавалера ордена Красного Знамени.

⁶² Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов. М., 2018. С. 34.

⁶³ Горький А.М. Полное (академическое) собрание сочинений. Письма в 24 томах. М., 2018. Т. 20. С. 359.

долю объективности. С другой стороны – это скользкий путь. Весь фон должен показать этих героев, эти отдельные эпизоды»⁶⁴.

В контексте неопределенности, кто же все-таки должен являться главным героем сталинской революции сверху, класс или единица, показательным является выступление советского писателя Л.М. Субоцкого⁶⁵ в феврале 1932 г. на 2-м пленуме Литературного объединения Красной Армии и флота (ЛОКАФ)⁶⁶. Доклад Субоцкого неслучайно был посвящен образу героя Гражданской войны в советской литературе. Недавно закончилась XVII партийная конференция, которая не только наметила планы второй пятилетки, но и поставила вопрос о показе героев социалистического строительства. Еще ранее, в январе 1931 г., об этом же говорил в своем докладе на IX съезде ВЛКСМ генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, а в сентябре 1931 г. на пленуме правления РАПП был заслушан доклад И.С. Макарьева «Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы»⁶⁷. Тема, что называется, витала в воздухе.

В своем выступлении Субоцкий вслед за Косаревым и Макарьевым заявил, что герой Гражданской войны, как и герой-ударник, должен быть собирательным типом героя, образцом, которому могла бы следовать советская молодежь. Однако задача создания такого литературного героя была, с точки зрения Субоцкого, крайне трудна и сложна, так как советские литераторы не имели права создавать образ героя-одиночки, свойственный западной буржуазной литературе. «Перед советскими писателями <...> встает огромная опасность отрыва героя от масс, встает огромная опасность сделать его героем-одиночкой, героической личностью, не связанной с массами. Наш коллективный герой – масса», – заявил Субоцкий⁶⁸. Героизм советских героев не строится на всевозможных отвлеченных понятиях – надклассовом понимании цивилизации, долга, любви к стране или к женщине, справедливости и т.п., за которые бились и умирали герои буржуазной литературы. Основной базой советского героизма, считал Субоцкий, является «правильное понимание сознания классового долга». Еще одну опасность Субоцкий видел в создании «революционного Монтекросто», героя на все сто процентов⁶⁹.

В докладе Субоцкий предложил свое видение соотношения массы и индивидуальности в деле показа героя: «Нельзя подходить к массе в плане уравниловки и обезлички. Рабочий класс монолитен, но не обезличен. Он состоит из нескольких людей, и именно в показе этих нескольких людей интересно показать весь рабочий класс с его героической борьбой на фронтах гражданской войны»⁷⁰. Клянясь марксистской догме, Субоцкий фактически призывал к персонификации советского героя. Как отметили публикаторы выступления Субоцкого, речь шла о создании образа героя, актуального для современности⁷¹.

Ключевую роль в смене парадигмы массового героизма на персональный и доминирование индивидуальных героев над коллективами сыграла позиция Сталина, направленная на реабилитацию исторической личности и ее роли в истории. Этот сюжет хорошо изучен в

⁶⁴ Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции... С. 43.

⁶⁵ Субоцкий Лев Матвеевич (1900–1959) – литературный критик, член РКП(б) с 1919 г. Делегат X съезда партии, участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте, был награжден орденом Красного Знамени. Позднее совмещал работу в военной прокуратуре (заместитель военного прокурора округа, помощник Главного военного прокурора, начальник отдела Главной военной прокуратуры) с литературной деятельностью. Был секретарем Оргкомитета Союза советских писателей, возглавлял отдел литературы и искусства газеты «Правда», был членом редколлегии и ответственным редактором «Литературной газеты».

⁶⁶ ЛОКАФ объединяло советских авторов, пишущих на военную тему. Существовало в 1930–1932 гг. С мая 1932 г. реорганизовано в «комиссию оборонной литературы» Союза советских писателей.

⁶⁷ В 1932 г. этот доклад был опубликован отдельной брошюрой: Макарьев И.С. Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы. М., 1932.

⁶⁸ Закружная З.С., Московская Д.С. К вопросу о показе героя гражданской войны. Стенограмма доклада Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме ЛОКАФ // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов. М., 2018. С. 170.

⁶⁹ Там же. С. 171.

⁷⁰ Там же. С. 170.

⁷¹ Там же. С. 167.

историографии, что избавляет нас от необходимости подробно излагать канву событий⁷². Хотелось бы лишь коротко акцентировать внимание здесь на личной роли Сталина. В.В. Тихонов пишет, что, «с одной стороны, в базовых вопросах вождь был человеком с догматическим стилем мышления, но с другой – умел приспособлять теорию под практические нужды и менять свою позицию довольно радикально»⁷³. Именно так и поступил вождь в данном случае. Разнообразные варианты учебников истории (в том числе истории РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б)), подготовленные правоверными историками-марксистами, Сталин один за другим подвергал в 1934 г. резкой критике, требуя отказаться от обезличенных социологических схем и вернуть на страницы учебников людей. Так, 8 марта 1934 г. на совещании наркома просвещения А.С. Бубнова с историками, посвященного теме стабильного⁷⁴ учебника истории, присутствующие с подачи Сталина уже всю критикували старые партийные учебники за социологические схемы, за то, что они представляют собой историю общественно-политических систем, страдающую резким дефицитом имен⁷⁵.

27 января 1936 г. советская пресса опубликовала «Замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”» и сообщения «В Совнарком Союзов ССР и ЦК ВКП(б)», в которых резкой критике был подвергнут «вульгарно-социологический подход» к истории. Амнистия исторической личности⁷⁶ широко открывала ворота для триумфального шествия советского героя-индивида. Доминирование индивидуальных героев над коллективами, акцент на персональном героизме были продиктованы, по определению Д. Бранденбергера, прагматическим требованием сталинской модернизации, где герои являлись «крайне необходимыми примерами для подражания», а также для выработки советской идентичности⁷⁷. Именно в годы второй и третьей пятилеток сформировался архетип советского героя, тогда же были заданы эталонные образцы героического поведения.

Однако триумф героев-индивидуумов над массой середины 1930-х гг. не означал, что процесс протекал без рецидивов, без возвращения к классической марксистской трактовке. Тема героизма и героев оказалась крайне токсичной в годы Большого террора⁷⁸. Клеймение «старых» большевиков и героев Гражданской войны как «врагов народа» привело к резкому зигзагу в политике героизации: ставка на героя-индивида на некоторое время стала неактуальной. Об этом, в том числе, свидетельствуют высказывания самого Сталина. Так, 16 февраля 1938 г. он написал в Детиздат протест по поводу готовившейся к печати книги «Рассказы о детстве Сталина» авторства некой Смирновой. В частности, он заявил о том, что книгу не только не стоит публиковать, но даже следует сжечь, не потому, что в ней «масса фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений», а потому, что «книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождя, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка <...> будет вредить нашему общему большевистскому делу»⁷⁹.

⁷² См., например, специальное новейшее исследование: Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М., 2024. Ранее была предпринята публикация комплекса документов, посвященных созданию в 1930-е гг. советских учебников истории. См.: Историю – в школу. Создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008.

⁷³ Тихонов В.В. Полезное прошлое... С. 45.

⁷⁴ В противовес учебникам-журналам, наследию кампании политехнизации школьного образования начала 1930-х гг.

⁷⁵ «Нужен большевистский Иловайский»: Из стенограммы совещания наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова с историками о стабильном учебнике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022578> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷⁶ Про «амнистию» человеческой личности в качестве реакции на «Замечания...» писал в своем дневнике М.М. Пришвин, об «утешительном впечатлении» «реабилитации личности» в связи с культом Ивана Грозного упоминал Б.Д. Греков.

⁷⁷ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа... С. 76.

⁷⁸ Там же. С. 165.

⁷⁹ Большая цензура... С. 498; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3218. Л. 1–2.

Линия возврата к марксистской концепции «героических масс» четко проявилась в содержании «Краткого курса “Истории ВКП(б)”», из которого Сталин в ходе редакции убрал имена даже тех героических личностей, которых на тот момент не затронули репрессии, – челюскинцев, папанинцев, прославленных летчиков. Из «новых героев» в XI главе «Краткого курса», посвященной периоду 1930–1934 гг., не упоминался ни один человек. В заключительную XII главу, посвященную периоду 1935–1937 гг., попали только имена стахановцев: самого А.Г. Стаханова, а также Н.А. Изотова, А.Х. Бусыгина, Н.С. Сметанина, П.Ф. Кривоноса, Минусинского, Евдокии и Марии Виноградовых, М.С. Демченко, М.В. Гнатенко, П.Н. Ангелиной, С.В. Полагутина, Ф.И. Колесова, П.И. Ковардак и К.А. Борина⁸⁰. Из героев Гражданской войны в соответствующей VIII главе единожды назывались лишь К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и Г.К. Орджоникидзе⁸¹.

Когда в сентябре 1938 г. в Москве на совещании пропагандистов и руководящих работников по пропаганде Москвы и Ленинграда, созванном с целью обсуждения роли «Краткого курса» в агитационной работе, один из участников совещания, некто Шленский⁸², отметил, что в учебнике не хватает информации о важных для истории партии личностях, Сталин разразился в ответ пространной речью. В частности, он заявил: «До сих пор у нас история партии писалась под другим углом – не в обиду будет сказано авторам исторических учебников, я не хочу их хаять, это люди, добросовестно поработавшие и сделавшие много хорошего, давшие большую пользу нашей партии, – но все-таки тот путь, по которому наши учебники шли, – не годится. Это был путь воспитания людей на лицах, восхваление этих лиц. Не у всех, но почти у всех это происходило. Вот и здесь товарищ Шленский замечание делает, что роль отдельных лиц недостаточно отмечена в книге. Как будто бы в этом дело. Нам ведь представили известный проект учебника, мы его переделали в корне. Проект учебника был построен на лицах, главным образом, кто как героически вел себя, кто сколько раз бежал из ссылки, кто сколько пострадал ради дела и т.д. и т.п. Разве на этом можно строить учебник? Разве на этом можно воспитывать кадры? Кадры надо воспитывать на идеях, на теории. <...> А что нам дадут лица? Я не хочу противопоставлять идеи лицам, хотя, конечно, о лицах придется говорить, но говорить, насколько это необходимо. Но не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне. Теоретический уклон должен быть. ЦК думает, что партия от этого выиграет, только выиграет»⁸³.

Таким образом, констатирует Д. Бранденбергер, Сталин «не постеснялся раскритиковать укоренившийся подход партии к мобилизации масс – тот подход, который сам не только поддерживал, но и помогал развивать несколькими годами ранее»⁸⁴. Более того, Бранденбергер делает вывод о том, что жертвой Большого террора стали не только конкретные герои, но и «само понятие личного героизма», что привело в конечном итоге к «окостенению официального курса»⁸⁵ сталинского агитпропа, вынужденного вернуться к абстракции, материализму и схематизму 1920-х гг.

Однако этот рецидив был кратковременным. Вооруженные конфликты и «малые» войны 1939–1940 гг. давали власти массу возможностей для создания новых героев. Свидетельством реабилитации личного героизма и триумфом «новых героев» стал XVIII съезд ВКП(б), проходивший в Москве 10–12 марта 1939 г. Ни на одном из довоенных партийных съездов не звучало столько речей о героях и героизме.

Исследователи неоднократно обращались к сюжету реабилитации истории как науки в середине 1930-х гг. и амнистии исторической личности в СССР. При этом предлагались различные объяснительные модели, вплоть до «историзма» Сталина, которому практически все историки безоговорочно отводят ключевую роль в изменении парадигмы. Однако гипотеза о

⁸⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 323.

⁸¹ Там же. С. 227.

⁸² В списках посетителей кабинета Сталина за 8 февраля 1926 г. упоминается партработник А.Л. Шленский из Рязанского губкома ВКП(б).

⁸³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 1–18.

⁸⁴ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа... С. 211–212.

⁸⁵ Такое название носит глава 10 монографии Д. Бранденбергера.

том, что фактический отказ от одной из основополагающих историософских идей марксизма о человеческих массах как движущей силе истории произошёл, главным образом, под влиянием советских политических реалий 1930-х гг., только прокладывает себе дорогу в историографии. Появление героев, которые персонально олицетворяли успехи социалистического строительства и являлись важными примерами для подражания и образцами для формирования советской идентичности, стало важным явлением сталинской модернизации. Возвращение «героя» не только на страницы учебников истории, но и на общественно-политическую сцену Советского Союза не было беспроблемным и заняло практически всю вторую половину 1930-х гг., однако уже к 1940 г. личный героизм стал неотъемлемой ипостасью нового советского человека и важнейшим инструментом построения социалистического общества.

Литература

Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932 гг. М.: АИРО-XX, 1998. 204 с.

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / сост. Л.В. Максименков. М., 2005. 752 с.

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. 367 с.

Бухарин Н. Этюды. М.; Л., 1932. 354 с.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб., 1920. 322 с.

Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / под ред. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 15–160.

Веселовский С.Б. Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 114–132.

Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб., 1898. 352 с.

Горький А.М. Полное (академическое) собрание сочинений. Письма в 24 томах. М.: Наука, 2018. Т. 20. 1004 с.

Горький М. О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. // Правда, 1931. 19 апр.

Горький М. Публицистические статьи / под ред. А.И. Груздева. Л., 1933. 415 с.

Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.

Закружная З.С., Московская Д.С. К вопросу о показе героя гражданской войны. Стенограмма доклада Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме ЛОКАФ // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / под ред. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 161–173.

Историю – в школу. Создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. 303 с.

История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. 351 с.

Как это было: Дневник А.И. Шингарева. Петропавл. крепость, 27.XI.17–5.18. М.: Ком. по увековечению памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, 1918. 68 с.

Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. III. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 628 с.

Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: АСТ, 2012. 1024 с.

Ленин В.И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 1–29.

Ленин В.И. Революционный авантюризм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 6. С. 377–398.

Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм. Лекция, прочитанная в Ленинграде в 1924 году в пользу беспризорных. М.: Новая Москва, 1925. 50 с.

Макарьев И.С. Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы. М.: Госхудлитиздат, 1932. 83 с.

«Нужен большевистский Иловайский»: Из стенограммы совещания наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова с историками о стабильном учебнике / публ. С.Ю. Зайченко, Т.Ю. Красовицкой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022578> (дата обращения: 20.05.2024).

Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 300–334.

Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 93–108.

Слезкин Ю.Л. Дом Правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 976 с.

Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. 10 ст. СПб.: Изд. Дороватовского и Чарушникова, 1904. С. 1–113.

Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 368 с.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 269–317.

References

Brandenberger, D. (2017). *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin. 1927–1941]. Moscow. 367 p.

Bukharin, N. (1932). *Etyudy* [Etudes]. Moscow, Leningrad. 354 p.

Bukharin, N., Preobrazhenskiy, E. (1920). *Azbuka kommunizma: populyarnoe ob'yasnenie programmy Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [ABC of Communism: A Popular Explanation of the Programme of the Russian Communist Party of Bolsheviks]. Peterburg. 322 p.

Bystrova, O.V., Zakruzhnaya, Z.S., Moskovskaya, D.S. (2018). “Istoriya grazhdanskoj vojny”: izdatel'skiy proekt epokhi rekonstruktsii [“History of the Civil War”: A Publishing Project of the Reconstruction Era]. In *Istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovaniya i publikatsiya arkhivnykh materialov*. Moscow, IMLI RAN, pp. 15–160.

Carlyle, T. (2012). *Geroy, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [Heroes, Honouring Heroes and Heroic in History]. Moscow, AST. 1024 p.

Engels, F. (1961). Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoj filosofii [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy]. In *Marx K., Engels F. Soch. 2-e izdanie*. Moscow, Politizdat. Vol. 21, pp. 269–317.

Eyermacher, K. (1998). *Politika i kul'tura pri Lenine i Staline. 1917–1932 gg.* [Politics and Culture under Lenin and Stalin. 1917–1932]. Moscow, AIRO-XX. 204 p.

Gor'kiy, A.M. (2018). *Polnoe (akademicheskoe) sobranie sochineniy. Pis'ma v 24 tomakh* [The Complete (Academic) Collection of Works. Letters in 24 Volumes]. Moscow, Nauka. Vol. 20. 1004 p.

Gor'kiy, M. (1931). O rabote neumeloy, небрежной, недобросовестной и так далее [About the Work of Inept, Careless, Unscrupulous, etc.]. In *Pravda*. 19 aprelya.

Grinin, L.E. (2010). Lichnost' v istorii: evolyutsiya vzglyadov [Personality in History: Evolution of Views]. In *Istoriya i sovremennost'*. No. 2, pp. 3–44.

Gruzdev, A.I. (Ed.), Gor'kiy, M. (1933). *Publitsisticheskie stat'i* [Publicistic Articles]. Leningrad. 415 p.

(1938). *Istoriya VKP(b). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b). Short Course]. Moscow. 351 p.

(2008). *Istoriyu – v shkolu. Sozdanie pervykh sovetskikh uchebnikov* [History – to School. Creation of the First Soviet Schoolbooks]. Moscow. 303 p.

(1918). *Kak eto bylo: Dnevnik A.I. Shingareva. Petropavl. krepost', 27.XI.17–5.18* [How It Was: Diary of A.I. Shingarev. Petropavl. Fortress, 27.XI.17–5.18.]. Moscow, Komissiya po uvekovecheniyu pamyati F.F. Kokoshkina i A.I. Shingareva. 68 p.

Kareev, N.I. (1890). *Osnovnye voprosy filosofii istorii. Chast' III. Sushchnost' istoricheskogo protsessa i rol' lichnosti v istorii* [Basic Questions of the Philosophy of History. Part. III. The Essence of the Historical Process and the Role of the Person in History]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 628 p.

Lenin, V.I. (1963). *Revolutsionnyy avanturyzm* [Revolutionary Avanturism]. In *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow. Vol. 6, pp. 377–398.

Lenin, V.I. (1970). *Velikiy pochin. O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu "kommunisticheskikh subbotnikov"* [The Great Cause. On the Heroism of the Workers in the Rear. On "Communist Subbotniks"]. In *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow. Vol. 39, pp. 1–29.

Lunacharskiy, A.V. (1925). *Geroizm i individualizm. Lektsiya, pročitannaya v Leningrade v 1924 godu v pol'zu besprizornykh* [Heroism and Individualism. Lecture Delivered in Leningrad in 1924 in Favour of Homeless Children]. Moscow, Novaya Moskva. 50 p.

Makar'ev, I.S. (1932). *Pokaz geroev truda – general'naya tema proletarskoy literatury* [Showing the Heroes of Labour – the General Theme of Proletarian Literature]. Moscow, Goskhudlitizdat. 83 p.

Maksimov, L.V. (Ed.). (2005). *Bol'shaya tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956* [Big Censorship: Writers and Journalists in the Land of the Soviets. 1917–1956]. Moscow. 752 p.

Plekhanov, G.V. (1956). *K voprosu o roli lichnosti v istorii* [To the Question about the Role of Personality in History]. In *Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 5 tomakh*. Moscow. Vol. 2, pp. 300–334.

Savin, A.I. (2020). *Geroizm kak ideologicheskiy kontsept stalinskoy epokhi* [Heroism as an Ideological Concept of the Stalin Era]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3 (55), pp. 93–108.

Slezkin, Yu.L. (2019). *Dom Pravitel'stva. Saga o russkoy revolyutsii* [The House of Government. Saga of the Russian Revolution]. Moscow, AST: CORPUS. 976 p.

Suvorov, S. (1904). *Osnovy filosofii zhizni* [Principles of the Philosophy of Life]. In *Ocherki realisticheskogo mirovozzreniya. Sbornik statey po filosofii, obshchestvennoy nauke i zhizni. 10 statey*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Dorovatovskogo i Charushnikova, pp. 1–113.

Tikhonov, V.V. (2024). *Poleznoe proshloe. Istoriya v stalinskom SSSR* [The Useful Past. The History in Stalin's USSR]. Moscow, NLO. 368 p.

Veselovskiy, S.B. (2009). *Dnevniki 1919–1923, 1944 godov* [The Diaries of 1919–1923, 1944]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 114–132.

Yakovenko, V.I. (Trans.). (1898). *Geroi i geroicheskoe v istorii. Publichnye besedy Tomasa Karleylya* [Heroes and Heroic in History. Public Conversations of Thomas Carlyle]. St. Petersburg. 352 p.

Zakruzhnaya, Z.S., Moskovskaya, D.S. (2018). *K voprosu o pokaze geroya grazhdanskoy voyny. Stenogramma doklada L.M. Subotskogo na vtorom rasshirennom plenumе LOKAF* [To the Question of Showing the Hero of the Civil War. Transcript of the Report of L.M. Subotsky at the Second Extended Plenum of LOKAF]. In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsiya arkhivnykh materialov*. Moscow, IMLI RAN, pp. 161–173.

Zaychenko, S.Yu., Krasovitskaya, T.Yu. "Nuzhen bol'shevistskiy Ilovaiskiy": Iz stenogrammy soveshchaniya narkoma prosveshcheniya RSFSR A.S. Bubnova s istorikami o stabil'nom uchebnike ["We Need a Bolshevik Ilovayskiy": From the Transcript of the Meeting of the Commissar of Education of the RSFSR A.S. Bubnov with Historians about a Stable Schoolbook]. Available at: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022578> (date of access 20.05.2024).